

**АЛЕКСАНДР
БЕЛЯЕВ**

СТРАХ

Александр Романович Беляев

Страх

Аннотация

«– На огород идешь?

– На огород. Хочу покопать картошку. Как бы мороз не стукнул. Ты здесь без меня справишься.

Заведующий почтовым отделением Ефимий Венедиктович Пилецкий надел барашковую шапку и старенькую тужурку на вате, сохранявшую еще синие, поблекшие канты и несколько «серебряных» пуговиц почтово-телеграфного ведомства...»

Содержание

I	5
II	10
III	11
IV	12
V	15

Александр Беляев

Страх

1

---

¹ Темой настоящего рассказа послужило действительное происшествие, имевшее место в одном из п.-т. предприятий Белоруссии в августе 1925 г.

I

– На огород идешь?

– На огород. Хочу покопать картошку. Как бы мороз не стукнул. Ты здесь без меня справишься.

Заведующий почтовым отделением Ефимий Венедиктович Пилецкий надел барашковую шапку и старенькую тужурку на вате, сохранявшую еще синие, поблекшие канты и несколько «серебряных» пуговиц почтово-телеграфного ведомства.

Марьям Викентьевна, его жена, служившая телеграфисткой в этом же отделении, сухонькая, суетливая женщина лет тридцати, просто, но чистенько одетая, подошла к мужу и тронула его за руку.

– Не ходи, Фима...

Пилецкий добродушно усмехнулся в седеющие усы.

– Трусишь? Уж не бандитов ли боишься? Не беспокойся. К нам они не сделают визита. Знают, что у нас не разживутся.

– Не смейся, Фима... Жутко мне. Дня не проходит, чтобы они не напали на кого-нибудь в окрестностях.

– Глупости. На мелкую дичь они не охотятся. Да я долго и не буду – засветло вернусь.

И Пилецкий, взяв суковатую палку, вышел из дома.

Утро было сумрачное. Серая завеса мелкого осеннего дождя затянула дали.

Почтовое отделение помещалось в доме бывшей почтовой станции. Длинное, приземистое белое здание с непомерно высокими, остроконечными, готическими окнами и такой же дверью. Эти здания, как две капли воды похожие друг на друга, отстроенные еще в пятидесятых годах прошлого столетия, стоят по нашим шоссе́нным дорогам угрюмыми памятниками старины.

Большой двор с обветшалыми конюшнями и сараями обнесен высокой каменной стеною, охранявшей когда-то почтовых лошадей.

Два шоссе пересекают у самой станции друг друга. Несколько десятков лет тому назад здесь трусили рысцою почтовые лошаденки, звеня колокольчиками. И усталый путник зорко всматривался в сужающуюся ленту шоссе, ища во мгле наступающего вечера белое здание, где ожидали его приют и отдых...

На смену троек пришел неуклюжий, но неутомимый автобус; с мерным пыхтением проносится он мимо старенького здания, в котором жалобно позванивают стекла, и скрывается вдаль, издавая рев, неслышанный в этих глухих, заброшенных местах...

Галки и вороны в испуге снимаются с мокрых, сырых кочек и тянут к лесу... А леса здесь кругом... Топкие, поросшие мохом, непроходимые леса Белоруссии, где привольно чувствуют себя только волк да лихой человек...

Пилецкий сдвинул барашковую шапку, застегнул свою

старенькую тужурку на две металлических и три костяных пуговицы и зашагал по шоссе.

Оно спускалось вниз и потом круто поднималось вверх. Наверху, в двух верстах, стояла ближайшая деревушка. А ближе, в полуверсте от нее, находился огородик Пилецкого.

Ефимий Венедиктович спустился в низину. Гиблое место для автобусов.

Несмотря на ремонты, шоссе постоянно портилось от подпочвенных вод, которые вспучивали настил дороги и выступали лужами.

Кругом – лес.

Это – излюбленное место для нападений бандитских шаяк на автобусы. Довольно бросить бревно поперек дороги, и – стоп...

– Руки вверх!..

И пассажиры предоставляли свои карманы и чемоданы в распоряжение грабителей.

Жуткое место.

И Пилецкий невольно ускорил шаг.

Кругом, однако, стояла необычайная тишина.

Пилецкий поднялся вверх и вздохнул с облегчением, увидев свой огород и крестьянина, копавшегося на соседнем участке.

– Здорово, Спиридон!

– Ведениктовичу наше почтение.

«Ведениктович» – так звали Пилецкого, изменив его труд-

ное для произношения отчество. Спиридон, грамотный крестьянин, долго живший в Москве, был председателем сельсовета.

– Что нового, Спиридон?

– Плохие новости.

– А что, все бандиты шалят?

– Да уж какие шалости?.. Третьего дня, слышь, пароход на Соже ограбили...

– Пароход? Как же они туда попали?

– Как – обыкновенно. Сели как пассажиры. А отошел пароход версты две – «руки вверх!..» кричат.

– Сколько же их было?

– Всего и было человек пять, а пароход начисто ограбили, к берегу пристать велели. Сами пассажиры своими руками свои же чемоданчики им на берег сложили... и поминай как звали.

– Иванов?

– Все он...

– Да откуда он взялся? Кто такой?

– Говорят, будто полковник бывший. Из Польши перешел... Ну, и наши балуются... Семка-косой – знаете?..

– Как не знать.

– Непутевый парень. Андрон с Могильцев, Костецкий...

– Чего же вы на них не донесете? Ведь и вас они обижают?

Спиридон оставил копать картошку и посмотрел на Пилецкого.

– Как не обижать?! У кого телку на прокорм стащат, у кого лошадь... Да донесешь-то как? У них ружья, револьверы... расправа короткая... Пока начальство наедет, без головы останешься. Кому охота...

Наступали ранние сумерки. Пилецкий расправил затекшие члены, распростился со Спиридоном и отправился в обратный путь.

В лощине сумерки были гуще. Пилецкий не сразу заметил двух незнакомцев, сидевших на куче щебня. Один из них поднялся и подошел к Пилецкому.

– Что за человек? А, почтарь!

Пилецкий вздрогнул. Перед ним стоял Семка-косой, уставив свой зрячий глаз. На другом глазу Семки было огромное бельмо, выпиравшие из зрачка, как горошина.

«Семка-косой... Бандиты...» – мелькнула у Пилецкого мысль, и холодок пробежал от спины к затылку, шевельнув корни волос.

– Ты, слышь, – ни гу-гу, что видал нас, если не хочешь дать дубу². Понимаешь?

Пилецкий поспешно кивнул головой.

– Ну, то-то. Проходи.

– Надо будет проверить, как он живет, – услышал Пилецкий за собой голос Семки. Потом Семка свистнул, и Пилецкий услышал удаляющиеся шаги бандитов.

---

² Быть убитым.

II

Жена ждала к обеду, но Пилецкому не шел кусок в горло.

– Придут... ограбят... убьют... – думал он.

Встав из-за стола, Пилецкий решительно подошел к телеграфному аппарату и телеграфировал в ближайший город, в районную милицию, о высылке отряда для поимки бандитов.

– Дело плохо, – сказал он жене, – гостей можно ждать каждую минуту, а милиция раньше завтрашнего дня не придет...

– А что, если они перехватят телеграмму? Говорят, они это делают... Убьют ведь...

– И то обещали, – не удержался Пилецкий. – Да все равно один конец: если придут, ограбят кассу – тоже не помилуют...

И они сидели молча, глядя на телеграфный аппарат с таким видом, будто он накликал на них несчастье... Но дело было сделано. Оставалось выжидать событий...

III

В густой темноте осенней ночи, под морозящим холодным дождем отряд вооруженных людей медленно, осторожно подходил к зданию почтового отделения.

Звякнуло дуло винтовки.

– Тише вы, черти, – раздался заглушенный голос.

– Тут, кажется... Ну, что, Митька, трусишь?

– Ох, – послышался вздох.

– Ничего. Обтерпишься. Пороху понюхаешь – привыкнешь.

– А где они, бандиты-то? Там? – И Митька протянул руку к зданию.

– Все может быть. Ты только не трусь. В случае чего пали – и никаких. Лучше ты его, чем он тебя. Так-то. Пали – и никаких, потому – полное право.

– Тише, вы. Разболтались...

IV

Липецкому не спалось. Он с вечера зарядил ружье, приготовил патроны и, не раздеваясь, прилег на кровати. Сердце колотилось, и шумело в ушах. Он прислушивался к каждому звуку... Вот – шорох, и у него холодело в груди. Идут. Нет, это мышшь скребет под полом... В коридоре что-то трещит...

– Фима, стучат, – слышит он испуганный шепот жены.

Его, как пружиной, подбросило. Да, да, стучат. И стучат так, что разбудят мертвого... Он хватается дрожащими руками ружье и набивает патроны в карманы.

– Ты вот что, – обращается он к жене, а зубы выбивают нервную дрожь, – ты не открывай... скажи – дома нет... А я по лестнице на чердак... Тебя не тронут... Ты ни при чем... Поищут – уйдут... А полезут ко мне – дешево не отдамся...

В дверь колотили прикладами, и удары гулко отдавались в длинном коридоре, идущем от двери и разделявшем дом на две половины.

Пилецкий быстро взобрался по лестнице на чердак, через отверстие в потолке коридора. Звенели стекла окон...

– Дома нет!.. Нет дома!.. – надрываясь, кричала жена.

– Отворяй, если и дома нет! Кого прячете? Стрелять будем!..

Послышался выстрел. С треском кто-то выломал раму, и в комнату, через окно, пролез человек и, пыхтя, открыл двери.

В коридор ввалилась толпа.

Дальше все было как в кошмаре... Треск оконной рамы, звон разбитых стекол, крики жены... выстрелы... шепот... голоса в темноте... И вот кто-то поднимается к нему по лестнице.

– Не лезь! Убью! – диким голосом кричит Пилецкий. – Всех перестреляю, последняя пуля себе!..

Но лестница дрожит под чьими-то ногами, и вот какое-то пятно замаячило в четырехугольнике отверстия...

Стиснув зубы, Пилецкий нажимает курок...

Выстрел... Вспыхнувший огонь освещает чью-то голову, но она тотчас скрывается в отверстии. С глухим стуком падает чье-то тело.

Внизу крики...

– Убил... Слезай... Милиция... – слышит он отдельные голоса...

Опять кто-то лезет...

– Не лезь, – кричит Пилецкий и снова стреляет...

Отчаянный стон... И опять взрыв криков внизу.

Среди шума он узнает как будто голос старика-сторожа, Вонифатия...

– Это я... – и лестница опять дрожит.

– Убью, – кричит обезумевший Пилецкий, и в третий раз огненная полоса прорезывает тьму. Опять чей-то стон.

Но голоса утихают. О чем-то сговариваются, удаляются, и Пилецкий слышит пыхтенье отъезжающего автомобиля.

– Откуда автомобиль? – пролетает мысль в затуманенном мозгу Пилецкого. – Может быть, милиция подросла вовремя?.. Только едва ли.

В отделении вспыхивает огонек. Пилецкий судорожно сжимает похолодевшими руками винтовку.

Вот автомобиль возвращается. Кто-то вошел...

– Слазь, Ведениктович, – слышит он знакомый голос Спиридоны. – Беда случилась... Милиция тебя защищать пришла... А ты с перепугу начальника того... уложил, милиционера ранил и – сторожа своего... Слазь, Ведениктович, не бойся... Вот тебе мое слово – ничего не будет.

Кто-то внес лампу в коридор, и Пилецкий увидел отряд милиционеров...

Бросив винтовку, он молча стал спускаться по лестнице...

V

Серое, осеннее утро осветило печальную картину. На полу коридора лежал убитый, рядом стонали раненые. Вещи в отделении и комнатке Пилецкого были перевернуты, мебель опрокинута. Стекла в окнах выбиты. Штукатурка на потолке и стенах местами обвалилась от выстрелов, произведенных с улицы.

Спиридон сидел на ступеньках крыльца и, крутя сигарку, спрашивал милиционера:

– Как же это так случилось? Вы-то чего дуrolомом валили?

Милиционер вздохнул:

– Дуrolомом? Не знаешь ты нашего дела – что значит на облавы ходить, бандитов ловить. Из-за каждого угла тебя подстрелить могут... Разве тут рассуждаешь? Сам как в бреду. А бандиты очень просто могли у Пилецкого остановиться. Припугнут «маузером» – не выдавай, мол, и конец...

Ведь и у вас в деревне они ночевали?

– Это верно...

– Ну, вот... А нас не пускали... Почему такое? Значит, неспроста...

– Вот дела-то... – вздохнул в свою очередь Спиридон. – Страх-то что делает.

Пилецкого арестовали, но скоро выпустили – он был при-

знан невиновным. На кладбище прибавилась свежая могила...